

Тушёное морское ушко в соевом соусе

На следующий день во время обеда атмосфера за столом была довольно странной.

Фан Юйтун, сжимая в руке ложку, крошечными глотками пила куриный суп — её движения были настолько медленными, словно она пересчитывала каждую рисинку в своей тарелке. Рис был лишь слегка тронут с одного края, несколько стеблей зелени сиротливо лежали сбоку, а к рыбе девушка почти не прикоснулась.

Взгляд Чжан Ли, казалось, намертво прикипел к дочери. Стоило Юйтун хоть на миг замешкаться или нерешительно отодвинуть кусочек рыбы, как мать невольно задерживала дыхание. Казалось, ещё секунда — и она сорвётся на привычное:

— Тунтун, ешь побольше рыбы, белок полезен для организма.

В этот момент Ань Сынянь с улыбкой спросил:

— Госпожа Чжан, как вам спалось? Выглядите сегодня замечательно.

С этими словами он поставил в центр стола тарелку с молодым картофелем, только что запечённым в оливковом масле с веточкой свежего розмарина. Его мягкий голос звучал с той долей участия, которая обычно присуща самой обыденной беседе.

Готовая сорваться тирада Чжан Ли застряла у неё в горле. Ей пришлось оторвать взгляд от дочери и выдавить вежливую улыбку:

— Ох, и вправду, хорошо. В вашей усадьбе такой чистый воздух, и ночью удивительно тихо, — машинально отозвалась она, хотя на душе скребли кошки: Тунтун так и не съела рыбу!

Хозяин Ань, будто не замечая её тревоги, указал на испускающий пряный аромат картофель:

— Это рассыпчатый сорт. Я лишь слегка присыпал его морской солью и добавил розмарин. Снаружи хрустящая корочка, а внутри — нежная мякоть. Попробуйте?

Сегодня на нём не было поварского кителя. Светлая льняная рубашка с небрежно закатанными рукавами и мягкий свет, льющийся из панорамного окна, делали его облик совершенно безмятежным.

Чжан Ли пришлось взять палочки и символически съесть кусочек. Но все её мысли оставались

на другом конце стола — краем глаза она продолжала следить за тарелкой дочери. Она жевала этот великолепный картофель, но он казался ей безвкусным, как бумага.

Странное чувство — оно накрыло её окончательно, когда юноша уже в третий раз виртуозно прервал её попытку вмешаться в трапезу Фан Юйтун.

«Что-то здесь не так!»

Последние два дня этот Хозяин Ань за едой стал необычайно болтлив. Когда они только приехали, он был нелюдим и молчалив, словно сошёл с древней картины. А теперь его будто подменили.

Если первый вопрос можно было счесть обычной вежливостью владельца, то как объяснить остальное? Едва она потянулась, чтобы положить дочери порцию древесных грибов, он вдруг завёл речь о том, что мята в саду пошла в рост и им обязательно нужно взять пару кустов с собой при отъезде.

Разве нельзя обсудить выезд через два дня? Зачем делать это именно сейчас, за обедом?

Не отвечать было бы грубо, но стоило ей поддержать разговор, как дочь уже успевала закончить свою скудную трапезу. Непонятно даже, что именно она съела. С её-то слабым желудком... вдруг ей станет хуже?

Подозрение крепло: Ань Сынянь делал это намеренно.

У Чжан Ли был взрывной характер. Любое сомнение жгло ей душу, словно застрявшая в горле рыба кость. Она готова была на любые жертвы ради дочери, но не могла терпеть, когда ею манипулировали или водили за нос.

После обеда она, сдерживая нетерпение, уговорила Юйтун прилечь отдохнуть. Дождавшись, пока та закроет глаза, женщина тихо вышла, но не спустилась в холл, а замерла в тени лестничного пролёта на втором этаже, наблюдая через перила за хозяином усадьбы.

Ань Сынянь присел на корточки у порога задней двери. В руках он держал белое фарфоровое блюдо — личную посуду Доучжира, — на котором лежали кусочки мягкого томлёного куриного филе.

Кот лениво развалился у его ног, изредка поводя хвостом с видом истинного аристократа. Чэньпи же, напротив, изнывал от нетерпения, кружа вокруг хозяина и не сводя глаз с угощения.

— Не спеши, — юноша ласково похлопал пса по голове, игнорируя приближающуюся женщину. Он поставил перед собакой миску побольше. — Всем хватит.

Чэньпи радостно тьякнул и принялся за еду. Доучжир же грациозно поднялся и, не спеша, подошёл к своей порции.

— Хозяин Ань.

Голос Чжан Ли был негромким, но в нём звучала непреклонная прямота.

— Мне нужно спросить вас об одном деле.

Сынянь, как раз вытиравший салфеткой капли соуса с мордочки кота, поднял голову.

Полуденное солнце отразилось в его янтарных глазах. У гостя возникло странное чувство: этот тёплый цвет скрывал пугающую глубину. В его взгляде сквозила мудрость, совершенно не вяжущаяся с возрастом, — спокойная, почти отстранённая проницательность стороннего наблюдателя, взирающего на суету мира с другого берега времени.

— Слушаю вас, — Сынянь поднялся и отряхнул ладони. Его тон оставался безупречно вежливым.

Под этим взглядом у Чжан Ли дрогнуло сердце, и заготовленная гневная тирада на миг застряла в горле. Но природное упрямство взяло верх. Она выпрямила спину и спросила в лоб:

— Хозяин Ань, в последние дни за столом вы стали... необычайно разговорчивы именно со мной. Стоит мне захотеть проверить, как ест Юйтун, вы тут же заводите беседу. Я не против общения, но это происходит слишком вовремя. Вы ведь... пытаетесь на что-то мне намекнуть?

Он не ответил сразу. Вместо этого задал вопрос, который показался ей совершенно посторонним:

— Юйтун ведь страдает анорексией, верно?

— Да, я и сама это знаю, — голос матери сорвался на высокую ноту. — Иначе я бы не платила тринадцать тысяч за неделю в вашем доме. Это дороже, чем съездить за границу.

Сынянь чуть прикрыл глаза, подбирая более мягкие слова. В эту паузу внезапно вмешался холодный, резкий голос Янь Чжэня. Он чеканил фразы, точь-в-точь повторяя то, что чаще всего звучало за столом:

— «Она это не любит...» «Ей это нельзя...» «Это слишком "горячее", можно только один кусочек...»

Офицер прислонился к кухонному острову со стаканом воды в руках. Его взгляд был подобен хирургическому скальпелю.

— Ведь это ваши слова? Голос вашей дочери давно умолк — вы отобрали его, прикрываясь любовью.

— Что?! Как вы смеее называть это грабежом?! — Эмоции Чжан Ли вспыхнули мгновенно. Лицо её залилось пунцовой краской от ярости и обиды. — Я всё делаю ради неё! Вы хоть представляете, как трудно растить ребёнка в одиночку? Откуда вам знать?! Посмотрите, какая она худая! Если я не буду контролировать каждый её шаг, болезнь её просто погубит!

Женщина была вне себя, её голос дрожал от негодования.

— Мы приехали сюда только потому, что ей нравится кухня Хозяина Аня! Я исполняю любое её желание! Разве это не ради её блага?! О чём вы вообще говорите?!

Ань Сынянь втайне вздохнул.

Янь Чжэнь был прав в сути, но слишком прямолинеен. Его сетевое имя «Говори со мной, не срывайся» оправдывало себя на все сто — если у собеседника не было брони на душе, этот человек пробивал её первым же словом.

Юноша сделал шаг вперёд, мягко вклиниваясь между офицером и разгневанной матерью.

— Госпожа Чжан, прошу вас, успокойтесь. Он не пытается вас обвинить. Никто не сомневается в вашей любви к дочери, как и в том, что она бесконечно предана вам.

Он намеренно замедлил темп речи, стараясь сначала успокоить собеседницу.

— Но именно из-за этой связи ваша тревога и напряжение во время еды неизбежно передаются ей. Я верю, что ваши мотивы чисты, но любовь порой принимает формы, которые становятся для близких непосильным бременем.

Он слегка повернулся, бросив мимолётный взгляд в сторону лестницы, и заговорил тише, но весомее:

— Юйтун уже взрослая. Она в том возрасте, когда жажда самостоятельности и поиск своего «я» становятся необходимостью. Для неё шаг к независимости означает попытку выйти из-под вашего контроля, что, несомненно, причиняет вам боль. И я подозреваю, что она

подсознательно выбрала крайний метод — через слабость собственного тела она убегает от необходимости становиться взрослой. Так она доказывает вам, что всё ещё нуждается в вас, что она всё ещё та маленькая девочка в ваших руках.

Он сделал небольшую паузу.

— Как сторонние наблюдатели, мы видим то, что замылилось у вас от постоянного беспокойства. Разве за эти два дня, пока я отвлекал вас разговорами, её состояние ухудшилось? Напротив, вы ведь сами видите прогресс. Госпожа Чжан, именно ваши перемены станут ключом к её выздоровлению.

Хозяин усадьбы редко говорил так много. Каждая фраза была тщательно взвешена, но всё же задевала самые сокровенные струны материнства. По большому счету, это было недопустимым вмешательством в чужую жизнь, ведь мало кто захочет слушать поучения незнакомца о том, как правильно любить своего ребёнка.

«На этом и закончим», — решил он про себя.

Глядя на смятение, отразившееся на лице гостьи — там боролись шок, боль, неверие и внезапное прозрение, — он понял, что зерно упало в почву. Теперь нужно лишь время.

Сынянь выдавил вежливую улыбку:

— Простите, я увлёкся. Вам нужно побыть одной. А мне пора в кладовую за продуктами для ужина.

Он развернулся и направился в сторону подвала.

Как он и ожидал, проходя мимо лестницы, в тени он заметил хрупкий силуэт. Юйтун тайком спустилась вниз. Она крепко зажимала рот ладонями, а её худые плечи содрогались от беззвучного плача.

В её глазах сейчас бурлил целый океан чувств: горечь от того, что её наконец поняли, боль от многолетнего гнёта, вина перед матерью и... безмолвная благодарность.

Сынянь на миг замедлил шаг, но не произнёс ни слова. Он лишь твёрдо качнул головой, приказывая ей не показываться матери на глаза.

Он верил в любовь Чжан Ли. Она просто заблудилась в собственном беспокойстве, а теперь, когда её встряхнули, она обязательно найдёт путь к дочери.

Всеми своё время.

В прохладной кладовой Хозяин Ань быстро нашёл нужный контейнер. В нём хранились отборные сушёные гребешки — крупные, золотистые, источающие концентрированный аромат моря. Он отобрал пакет самых лучших и понёс их наверх.

Когда юноша вернулся на кухню, Чжан Ли уже ушла. Янь Чжэнь сидел на диване и с непривычной, но трогательной старательностью вычесывал шерсть Доучжиру. Попутно он успел вытереть салфеткой мордочку Чэньпи.

Услышав шаги, офицер поднял голову и кивнул в сторону двери:

— Она в порядке. Сказала, что в голове кавардак, пошла прогуляться. — Его взгляд упал на пакет в руках Сыняня. — Гребешки? Как будем готовить?

— Это для усиления вкуса, — юноша подошёл к раковине. Из пакета пахло густой сладостью вяленого морепродукта. — Добавим в Тушёное морское ушко в соевом соусе.

— Их нужно замачивать?

— Да, сначала промоем, потом оставим в воде часа на два. Они должны стать мягкими, тогда их вкус раскроется в полной мере.

Янь Чжэнь смотрел на Сыняня, чьи руки уверенно работали под струёй воды. Солнце подчёркивало мягкий контур его лица, а спокойный голос действовал почти гипнотически. Офицер замер, забыв про расчёску.

Сынянь внезапно почувствовал странное дежавю. Этот неспешный, будничный диалог... так просто, так по-домашнему... В его памяти именно так общались его родители — спокойно, понимая друг друга с полуслова.

Он с лёгким недоумением взглянул на Янь Чжэня. Тот мгновенно отвёл глаза и снова принялся усердно расчёсывать кота, хотя его пальцы едва заметно дрожали.

Не успел хозяин дома осознать странность момента, как Чэньпи вдруг замер. Без всякого предупреждения пёс издал почти истошный вопль, вскочил, и шерсть на его хвосте встала дыбом. Оскалив маленькие острые зубки, он припал к полу и начал яростно рычать в сторону входной двери:

— Гав! Гав!

Весь его вид выражал готовность к атаке. Конечно, учитывая его кудрявую мордочку, это

выглядело скорее умилительно, чем по-настоящему страшно.

Все трое — люди и кот — одновременно посмотрели на дверь. Тяжёлая створка распахнулась, и на пороге возник могучий силуэт Лян Чэня. За ним шёл его брат, Ли Сяньгуан, с широкой улыбкой и двумя роскошными подарочными коробками в руках.

Стоило им войти, как Чэньпи определил цель. Он храбро бросился вперёд, кружа вокруг ног А Гуана и явно примериваясь, где бы побольнее цапнуть незваного гостя.

— Чэньпи! — строго осадил его Сынян.

Маленький терьер обиженно пискнул и мгновенно опустил хвост. Последний раз сердито взглянув на дверь, он нехотя поплёлся обратно к хозяину, жалуясь и поскуливая на ходу. В его круглых глазах-бусинках застыла непередаваемая гамма чувств: от подавленной ярости до глубокой скорби.

— Учитель! — А Гуан улыбнулся заискивающе. — О, так это и есть знаменитый Чэньпи? Старина Лян рассказывал о нём. Какой очаровательный малыш! А шёрстка-то как блестит, загляденье!

«Очаровательный?» — подумал Сынян. — «Кто это недавно кидался в него тапком и обещал пустить на воротник?»

Он усмехнулся, но промолчал. Продолжая промывать гребешки, юноша спросил:

— Что привело вас в такой час? А как же лавка?

— Сегодня понедельник, в обед покупателей почти нет, так что закрылись ненадолго, — быстро ответил А Гуан. В его голосе дрожало возбуждение.

На самом деле он и так проявил чудеса выдержки, дотерпев до обеда. Ночь он провёл без сна — стоило закрыть глаза, как перед ним возникал образ учителя в вихре изумрудных лоз. Страх сменился благоговением и дикой радостью. Судьба наконец-то улыбнулась им. Он с детства познал лишь горечь лишений, и теперь видел перед собой путь к свету. Вцепиться в этот шанс нужно было мёртвой хваткой.

Тем более Сынян не возражал и даже передал им основы техники. Сегодня на рассвете братья уже опробовали практику на крохотном заднем дворе своей лавки. И хотя никакого «движения энергии» они пока не почувствовали, оба ощутили небывалую ясность в голове и прилив сил.

Чувство благодарности за ночь только окрепло. А Гуан решил, что даже без формальной церемонии подношения учителю обязательны. Зная любовь Сыняня к кулинарии, братья выбрали лучшие деликатесы.

— Учитель, взгляните! — А Гуан с гордостью поднял коробку. — Специально отбирал импортные морские ушки размера «две штуки на цзинь». А здесь — высший сорт рыбьего пузыря, выдержанный, от старых рыбаков достали. Как вам качество?

Лян Чэнь, уже успевший повязать фартук, подтвердил:

— Да, учитель, брат с самого утра на рыбном рынке каждую лавку обшарил, чуть со всеми не переругался.

Сынянь принял подношения и внимательно их осмотрел.

— Действительно, качество отменное. Как раз к ужину я планировал приготовить Тушёное морское ушко в соевом соусе. Правда, для тушения лучше использовать свежих моллюсков, а эти мы попробуем в другой раз.

— Учитель, если нужны свежие, я мигом сгоняю на рынок! — Ли Сяньгуан среагировал мгновенно. — Считайте нас своими посыльными. Любые поручения, любые закупки — мы всё сделаем. И не нужно никаких оплат, пусть Старина Лян помогает вам во всём, за еду. Здесь... здесь такой воздух чудесный!

«Воздух ли?» — усмехнулся про себя Сынянь. Понимая, что в основе этого рвения лежат крупницы духовной энергии, он не чувствовал раздражения. В конце концов, выжить с таким отцом и вырастить брата — для этого нужна недюжинная житейская хватка.

— Что ж, вчера, когда был наплыв гостей, мне и вправду не хватало рук, — он кивнул и повернулся к робеющему великану. Голос его стал ещё теплее: — Лян Чэнь, если тебе интересно поварское дело, я буду не против обучить тебя паре приёмов.

— Ох! Спасибо, учитель! Лишнее умение за плечами не носить, это же великое дело!

Хозяин лавки просиял. Лян Чэнь на мгновение замялся, бросив взгляд на брата, но, получив чувствительный тычок в бок, расплылся в своей привычной добродушной улыбке.

Покончив с делами, А Гуан оседлал скутер и умчался за свежими моллюсками — Сынянь перевёл ему деньги на закупки.

Янь Чжэнь молча наблюдал за этой сценой. Глядя через стекло на свой «Мамонт», он почувствовал лёгкую тень беспокойства. Кто бы мог подумать, что на должность «посыльного» выстроится такая очередь. Теперь его могучий пикап рисковал превратиться в обычное украшение двора.

В этот момент в его кармане раздался резкий сигнал. Достав телефон, он изменился в лице. Брови сошлись на переносице, взгляд стал ледяным. Свет экрана подчеркнул шрам, придавая

лицу суровое выражение.

Решение было принято мгновенно. Он быстро набрал ответ, убрал смартфон и стремительно взлетел по лестнице на второй этаж.

Через несколько минут Янь Чжэнь снова появился в холле. На плече у него был рюкзак, на голове — чёрная бейсболка. Он подошёл к кухне. Его голос был сухим и коротким, в нём чувствовалась скрытая спешка:

— У меня срочное дело. Уезжаю на несколько дней. Доучжир... оставляю его на тебя.

Сынянь, как раз объяснявший Лян Чэню, как очищать гребешки, замер. Глядя на сборы офицера, он явно не ожидал столь внезапного отъезда.

— Хорошо. Не волнуйся, — ответил он.

Янь Чжэнь подошёл к дивану, наклонился к самому уху Доучжира и быстро зашептал так тихо, что только кот мог его слышать:

— Доучжир... я привёз тебя из самого Киото не для того, чтобы ты здесь просто бока отъедал. В критический момент не подкачай...

Он бросил мимолётный взгляд на Сыняня.

— ...Присматривай за ним.

Кот сладко потянулся. Трудно было сказать, понял он наказ или просто грезил о новой порции курицы.

<http://bllate.org/book/15856/1499122>